

ОТЗЫВ

официального оппонента на диссертационное исследование Ирины Олеговны ИВАНОВСКОЙ на тему «Музеи и русская православная церковь: способы и технологии музеефикации церковного искусства в Российской Федерации и Республике Беларусь», представленное на соискание ученой степени кандидата культурологии по специальности 24.00.03 – Музееведение, консервация и реставрация историко-культурных объектов

Актуальность избранной темы.

Диссертационное исследование Ирины Олеговны Ивановской продолжает научный сюжет в высшей степени дискуссионный: развивающийся в границах *сотрудничества, сосуществования или противостояния* музейных институций, сотрудников, широкой общественности и церкви как института, сообщества прихожан и опять-таки широкой общественности. Дискуссия эта каждый раз обостряется при очередной попытке передачи музейных фондов церкви, и строгий, научный взгляд на проблему позволяет отделить неизбежные *эмоции от принципов* сохранения культурного наследия. Уже этого достаточно, чтобы говорить о безусловной актуальности темы.

Вместе с этим, в работе задан интересный ракурс условно «иллюстративной», подтверждающей, практической части работы – сравнительный анализ музеефикационных тенденций в культурной среде двух монастырей – Новодевичьего в Москве и Спасо-Евфросиниевского в Полоцке. Здесь примечательны два аспекта. Первый – это анализ именно культурной среды монастырей. Само понятие «культурной среды», выбранное в качестве центрального в названии второй главы, представляется максимально адекватным предмету исследования. Автор отмечает, что «музеефикационные процессы, разворачивающиеся на территории монастырей, затрагивают интересы церковного и светского сообществ. Поэтому в монастырских условиях их целесообразно рассматривать в контексте специфической культурной среды» (с.81). При этом за основу понятия «культурная среда» берется определение А.Я.Флиера, в рамках которого Андрей Яковлевич предлагает рассматривать последнюю как «пространство социальных ритуалов, социального мимесиса, ценностно- иерархизированной системы социальных понятий» (с.82). А.Я. Флиер в своих работах многообразные проявления культуры представляет в виде четких типологических схем, и обращение к структуре и содержанию понятия культурной среды стоит признать достоинством работы на соискание ученой степени кандидата культурологии.

Степень обоснованности научных положений, выводов и заключений, сформулированных в диссертации.

Не пересказывая содержание второй главы отметим, что ее сильной частью является анализ именно культурной среды, которая в процессе реализации музеефикационных практик расширяется и формируется новое пространство исторического знания и современного реальной монастырской жизни. Рассуждая о фиксации исторического облика белорусского монастыря, Ирина Олеговна обращает внимание на необходимость создания условного «архива» при Спасо-Преображенской церкви, в котором будут храниться

публикации о фрагментах, хранящихся в ФГБУК «Новгородский государственный объединенный музей-заповедник» и ФГБУК «Государственный Эрмитаж» и базафотокопий тех фрагментов, что хранятся в разных музеях вне Спасо-Евфросиньевского монастыря (с. 107). Богородице-Смоленский Новодевичий монастырь в Москве (Новодевичий монастырь в Москве) в анализе автора оказывается именно культурной средой, в которой реализуются различные проекты, позволяющие сделать музеефикацию частью общей культурной политики сохранения церковного наследия без утраты его функций как памятника общекультурного значения: автор выделяет «культурную, мировоззренческую, интегративную, регулятивную, рекреационно-психотерапевтическую, культуротранслирующую, эстетическую, охранную, аксиологическую, образовательную, воспитательную» функции только Смоленского собора Новодевичьего монастыря (с. 149). Вероятно, эти функции присущи большинству действующих храмов, однако даже при кажущейся очевидности своеобразного синкретизма, полифонизма церковного пространства определение его составляющих представляет определенный научный результат (отдельно отметим четкое, грамотное, исчерпывающее обоснование принципов сравнения двух монастырских комплексов).

Практическая значимость, конкретные рекомендации по использованию результатов и выводов диссертации.

Научный результат непосредственно связан и с результатом практическим – «мягким» включением термина «музеефикация» в практику развития церковной культурной среды. Ирина Олеговна отмечает: «осознание понятия «музеефикация» происходит по-разному. Музейная общественность чаще полагается на научную обоснованность термина. Церковное сообщество рассматривает музеефикацию интуитивно через призму исторического опыта и общественного мнения» (с. 148). Поскольку диссертация как квалификационная работа предполагает *переход от интуиции к строго выверенному знанию*, то можно сказать, что в работе найден баланс между интуитивным и вполне рациональным.

Достоверность и новизна исследования, полученных результатов, выводов и заключений, сформулированных в диссертации.

Однако сами сюжеты организации культурной среды двух рассматриваемых монастырей без попытки предложить концепцию музеефикации оставались бы рассказом о совокупности памятников искусства и способах их актуализации. Не случайно поэтому Ирина Олеговна первую главу посвящает проблеме, на путях решения которой в некоторых аспектах ей приходилось быть первопроходцем или оказываться в паутине непроясненных дефиниций. Эту проблему составляет область, которую автор называет «теорией музеефикации». Общий поиск по словосочетанию «теория музеефикации» не дал результатов, что породило закономерный вопрос – это термин, который предлагает автор? Если да, то как он соотносится с существующими «каноническими» теориями музеологии – теориями документирования, тезаврирования и коммуникации? Это еще одна теория, раздел существующих теорий или категория иного порядка?

Из контекста работы не совсем очевидно, что же такое эта теория – теория или практика. Например, Ирина Олеговна отмечает: «выявлено, что теория музеефикации применяет в отношении предметов и объектов церковного искусства формулировку «мягкая» музеефикация, т.е. не требующая полного изъятия из среды бытования». Таким образом, теория музеефикации – это технология, объясняющая основы функционирования т.н. «живого» музея? Вряд ли отдельная теория касается только круга церковных объектов, а раз так, то прояснение статуса вещей, не изъятых полностью из среды бытования, и составляет суть этой теории? С другой стороны, автор полагает, что «теория музеефикации допускает полисемантическую в отношении понятия «музеефикация». Раз так, значит есть «мягкая», «средняя», «жесткая» музеефикация? Хотелось бы уточнить, какой круг понятий позволяет описать виды и/или формы музеефикации в рамках теории. Отметим, что создание теории отнюдь не является задачей кандидатской работы, даже не всегда докторской, поэтому оперировать самым громким словом «теория» стоит осторожно.

Если же отбросить пафос теории, то сам интерес Ирины Олеговны к кругу понятий, родственных «музеефикации», представляет, действительно, интересный и заслуживающий внимания материал.

В первой главе автор проводит, как он сам отмечает, *этимологический разбор и лингвистический анализ слов «музеефикация», «музеализация» и «музеезация»*. При этом Ирина Олеговна отмечает, что О.С. Сапанжа понимает под музеализацией процесс культурной самоидентификации. О.С. Сапанжа специально обратилась к тексту докторской диссертации, чтобы освежить в памяти то понятие, которое было предложено в 2011 году и обнаружила, что в основе понимания музеализации лежит понятие «музейность»¹, выходящее далеко за границы музея как социокультурного института и музейного предмета как его основы. Музеализация «является процессом реализации музейности через актуализацию музеалий, включающим музейное производство (связанное с активной деятельностью субъекта в сфере создания различных организационных форм хранения внегенетической информации через раскрытие потенциальной ценности музеалий) и музейное потребление (связанное с восприятием этих форм субъектом – следующим за музейным производством уровнем актуализации уже выявленной ценности музеалий). Музеализация, как процесс музейного производства и музейного потребления, представляет в своей совокупности процесс интерпретации музейных ценностей (музеалий) и является процессом сохранения культурной памяти». Из этого довольно витиеватого определения следует, что музеефикация – это формализованный процесс осознания ценности объекта и придания ему определенного официального статуса, а музеализация – это процесс

¹ Музейность есть способ надления субъектом особыми свойствами объектов реального мира, имеющее целью сохранить исторический потенциал и творческий резерв опыта человечества и реализуемый в собраниях предметов, репрезентирующих опыт человека, сообществ, нации, человечества и т.д. Компонентами структуры реализации идеи музейности становятся объект (музеалии), субъект (человек), актуализирующие музейность, и процесс этой актуализации (процесс музеализации). Активизация структуры «музеалии – музейность - музеализация» возможна только посредством деятельности познающего их субъекта.

осознания ценности музеалей (которые не равны музейным предметам) и расширение границ в понимании культурного наследия.

Ирина Олеговна предлагает еще один термин – *музеезация*, под которым понимается упрощенная музеефикация. В связи с этим возникает вопрос – музеезация – сокращенная и упрощенная, но все же разновидность музеефикации или это самостоятельное, принципиально отличная от музеефикации форма сохранения наследия? Что, кроме упрощенной процедуры и неполной музеефикации памятника, отличает музеезацию как процесс и результат сохранения наследия (сам автор пишет о необходимости дифференцированного применения различных форм музеефикации, значит, музеезация – это как раз та самая упрощенная форма в рамках дифференцированного подхода?). Эти вопросы направлены на расширение дискуссии, обозначенной автором. Проблемы терминологии для современной музеологии являются очень серьезными. Спорным остается вопрос о соотношении понятий «музеология» и «музееведение», не говоря уже о более частных терминах. В этом смысле смелость автора, пытающегося ввести в научный оборот понятие и определить его функциональные рамки достойно высокой оценки.

Ценность результатов, полученных автором, для соответствующей отрасли науки. Оценка содержания диссертации и ее завершенности.

Итак, переходя к финальной оценке работы, отметим, что ценность результатов работы связана, в первую очередь, в попытке расширить терминологический багаж музеологии и предложить дефиниции, объясняющие суть «мягкой» или «упрощенной» музеефикации. Решение этой задачи представлено в двух главах, количество которых, на первый взгляд, может показаться недостаточными для диссертации, однако «дизайн» работы очень логичен: теоретические пролегомены (описание проблемы, терминология, классификации) и практические подтверждения (натурный, полевой, непосредственный анализ культурных пространств двух монастырей). В этом смысле работу можно оценить как вполне завершенную.

Ряд замечаний по содержанию и формальному оформлению диссертации уже были высказаны. Отметим лишь некоторую непоследовательность в описании степени изученности проблемы – после Ю.А. Кузовенковой и книги 2015 года вдруг возникает Н.Ф. Федоров. Не всегда корректно указание года издания того или иного труда в скобках в тексте автореферата (например «труд Д.В. Кепина (Кемерово, 2018) – с. 15 автореферата. В самом тексте ссылки на этот труд нет и можно подумать, что этот автор работает в Кемерово, а не в Киеве, где на самом деле работает Дмитрий Владимирович.

Вызывает некоторые вопросы предложенные автором подходы к определению понятия «музеефикация». Обозначенный автором искусствоведческий подход – это, скорее, исторический, а местами – семантический. Прагматический и терминологический подходы, как кажется, обозначены не вполне корректно и не ясно, почему терминологический подход = междисциплинарный.

Есть в работе неудачные обороты (физическое и духовное хранение) стилистические огрехи (автором делаются выводы, что...).

Тем не менее, замечания носят частный характер и диссертационное исследование «Музеи и русская православная церковь: способы и технологии музеефикации церковного искусства в Российской Федерации и Республике Беларусь» является научно-квалификационной работой, в которой содержится решение задачи разработки актуальных и научно-обоснованных подходов к музеефикации церковного наследия, имеющей значение для развития теории и истории культуры. Диссертация соответствует паспорту специальности 24.00.03 (п. 7. Теория и практика музейного дела, 9. Социальные и исторические аспекты формирования и функционирования музеев, заповедных и охранных зон, 10. Музеефикация объектов культурного назначения), требованиям пп. 9–11, 14 Положения о присуждении ученых степеней, утвержденного постановлением Правительства Российской Федерации № 842 от 24.09.2013 (в ред. постановлений Правительства Российской Федерации № 723 от 30.07.2014, № 335 от 21.04.2016, № 748 от 02.08.2016, № 650 от 29.05.2017, № 1024 от 28.08.2017, № 1168 от 01.10.2018; с изм., внесенными Решением Верховного Суда Российской Федерации от 21.04.2014 № АКПИ14-115), а её автор Ирина Олеговна Ивановская заслуживает присуждения ученой степени кандидата культурологии по специальности 24.00.03 – Музееведение, консервация и реставрация историко-культурных объектов.

Официальный оппонент:

доктор культурологии, профессор

директор института художественного образования

профессор кафедры искусствоведения и педагогики искусства

ФГБОУ ВО «Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена»

Ольга Сергеевна Сапанжа

Подпись руки О.С. Сапанжа заверяю

1 июня 2021 года

Сведения об оппоненте: доктор культурологии по специальности 24.00.01 – теория и история культуры; кандидат культурологии по специальности 24.00.03 – музееведение, консервация и реставрация историко-культурных объектов; доцент по кафедре художественного образования и музейной педагогики; профессор по специальности 24.00.01 – теория и история культуры, директор института художественного образования, профессор кафедры искусствоведения и педагогики искусства ФГБОУ ВО «Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена»

Адрес: 191186, Санкт-Петербург, набережная реки Мойки, 48, тел.: (812) 571-60-88

e-mail: recpor@herzen.spb.ru, web-сайт: <http://www.herzen.spb.ru>